

— Жань-жань, ты только не думай, что бабушка у тебя бессердечная. Просто я не переживу, если с тобой что-то случится. Мне нужно знать, что ты в порядке, только тогда у меня на душе будет спокойно.

— Я знаю, бабушка.

Проводив бабушку в спальню, Линь Цинжань наконец убрал руку из-за спины и медленно разжал кулак.

Ладонь представляла собой сплошное кровавое месиво — глубокая рваная рана всё ещё сочилась.

Сказанные бабушкой слова об «оставшемся времени» набатом стучали в висках, воскрешая в памяти недавний разговор с врачом, который специально отозвал его в сторону.

«Нет, этого просто не может быть!»

Цинжань отчаянно мотнул головой, прогоняя дурные мысли, и поднялся, чтобы отыскать антисептик и ватные палочки.

Обрабатывая рану, он шипел сквозь зубы от резкой боли. Но даже в этот момент радовало одно: глубокие порезы на спине скрывала плотная ткань одежды. Бабушка их не заметила, иначе её измученное сердце точно бы не выдержало.

На вечернюю самоподготовку Линь Цинжань пришёл, преодолевая сильную боль во всём теле.

— Ого, поглядите-ка, кто пожаловал! Цинжань, ты что, на разборки ходил? — кривляясь, Хуан Гэ подошёл к парте Гу Вэньюя.

Самого хозяина места ещё не было, стул пустовал, но наглец всё равно не осмеливался на него присесть.

— Да куда ему драться? Его самого там отделали по первое число! — поддакнул кто-то из толпы.

— Вот-вот! Вы на его рожу посмотрите — девка девкой, перед парнями хвостом крутит. Небось за это и огреб!

Прихвостни Хуан Гэ дружно загоготали, соревнуясь в остроумии и пытаясь уколоть Цинжаня

поболезней. Сам заводила так и сиял от превосходства.

Он прекрасно помнил, как на уроке физкультуры перед каникулами Гу Вэньюй искал встречи с Цинжанем. И раз тот вернулся в школу в таком плачевном состоянии, значит, молодой господин Гу отделал его на славу.

Хотя, возможно, пощадил малую малость — иначе хрупкие кости этого задохлика давно бы хрустнули под его тяжелой рукой.

— А где наш вожак? Время поджигает, а брата Гу всё нет, — огляделся Хуан Гэ.

— Кто его знает, дела, наверное, — отозвался один из парней, давая понять, что совать нос в дела Гу Вэньюя себе дороже — если тот разозлится, мало никому не покажется.

Линь Цинжань продолжал молча зубрить английские слова. За всё это время он ни разу не поднял глаз, брезгуя даже смотреть на глумящихся одноклассников.

«Спорить нужно с равными, а с дураками связываться — себя не уважать» — это было его главным правилом.

Впрочем, сейчас у него не возникло бы желания соревноваться и с равными.

Да и не было у него здесь никого, кто был бы ему ровней.

Единственное, чего он хотел — поскорее пережить выпускной класс, забрать аттестат, получить заветное извещение о зачислении и уехать отсюда вместе с бабушкой, сняв квартиру поближе к университету.

— О, брат Гу идёт!

Хуан Гэ тут же расплылся в подобострастной улыбке и замахал руками, но Вэньюй проигнорировал его, лишь окинув собравшихся ледяным, давящим взглядом.

Вся компания разом прикусила языки. Шутовское веселье испарилось без следа; затаив дыхание, парни торопливо расползлись по своим партам. В классе воцарилась звенящая, напряжённая тишина.

Когда крикливое вороньё наконец замолчало, Цинжань вздохнул с облегчением и снова сосредоточился на учебнике.

Он потёр ноющие виски. Голова, ещё минуту назад раскалывавшаяся от криков, теперь

налилась свинцовой тяжестью, а к щекам прилил неестественный жар.

«Душно... Неужели в классе так душно?»

Хотя окно он распахнул сразу, как только пришёл. Он прекрасно знал, что Вэньюй терпеть не может его запах, а потому всегда старался заранее проветрить помещение.

Осторожно, стараясь не тревожить израненную ладонь, Цинжань пошире толкнул створку оконной рамы и подставил лицо ночной прохладе.

Вечером заметно похолодало. Ветер снаружи дул сильный и сухой, он колот кожу мелкими ледяными иглами.

Несмотря на колючую стужу, уходить от окна не хотелось.

Ледяные потоки остужали пылающую кожу, принося кратковременное облегчение и помогая удерживать ускользающее сознание.

Скорее, его отрезвляла сама эта резкая, бодрящая боль.

Но вскоре даже холод перестал помогать. Озноб уступил место внутреннему пожару — температура росла с каждой минутой.

Веки налились свинцом, мысли путались, лишая возможности соображать.

Он потянулся к термосу, но, открутив крышку, вспомнил, что тот пуст.

Когда он только пришёл, у кулера толпились бездельники во главе с Хуан Гэ. Протискиваться сквозь их кольцо под градом насмешек не хотелось, и он решил подождать.

Вернув крышку на место, Линь Цинжань бессильно уронил голову на сложенные руки, надеясь немного передохнуть и прийти в себя.

Сознание уплывало. Сквозь вязкую полудрему он смутно зафиксировал резкую трель звонка, возвестившего о перемене.

Приподнявшись, Цинжань скользнул взглядом по соседней парте. Убедившись, что соседа нет на месте, он, пошатываясь, поднялся, опираясь на край стола.

Тело ломило от сильного жара, во рту пересохло, а горло немилосердно драло при каждом вдохе. Сжав в пальцах пустой стакан, он медленно побрёл к кулеру за горячей водой.

Сделав несколько жадных глотков, он почувствовал мимолётное облегчение. Однако слабость никуда не делась — ноги подкашивались, а очертания школьных парт перед глазами начали двоиться и расплываться.

Коснувшись лба тыльной стороной ладони, он без труда определил: у него сильный жар.

Как бы безразлично он ни относился к собственному здоровью, игнорировать такое состояние было уже невозможно. Ему срочно требовалось лечь.

Осушив стакан, Цинжань поставил его обратно на парту, застегнул молнию форменной олимпийки до самого подбородка и на неслушающих ногах вышел в коридор.

Перед глазамиплыли цветные круги. Едва добравшись до лестничной площадки, он почувствовал, как пол уходит из-под ног. Оперевшись о холодную стену, он попытался перевести дух, но тьма неумолимо затягивала его в свои объятия, и сознание окончательно угасло.

Тик.

Так.

Тик.

В тишине отчётливо раздавался мерный стук часов.

Линь Цинжань шевельнул пересохшими, потрескавшимися губами. Он попытался что-то сказать, но из горла вырвался лишь глухой, едва слышный хрип — пересохшие связки отказались повиноваться.

— Очнулся? — слышался мягкий голос.

Цинжань повернул голову. Увидев перед собой доброе лицо школьного врача, он едва заметно кивнул.

Но в следующий миг его взгляд скользнул дальше — и замер. Чуть поодаль, небрежно прислонившись спиной к белой стене, стоял Гу Вэньйой. Его фигура так и дышала ледяным равнодушием.

Доктор протянул ему стакан тёплой воды и строго покачал головой:

— На, попей. Я дал тебе жаропонижающее. Ну как можно было довести себя до такого состояния? Свалился без чувств прямо на лестнице! Хорошо ещё, тебя вовремя принесли. Ещё бы немного — и твои хваленые отличные мозги попросту спеклись бы от такого жара!

Сняв белый халат и повесив его на крючок, врач добавил уже мягче:

— Мне нужно отлучиться на пару минут. Лежи и не дёргайся.

— Спасибо... — выдавил Цинжань. Голос звучал неестественно глухо, царапая горло.

Каждое слово отдавалось острой болью, словно в глотку насыпали битого стекла. Решив больше не испытывать судьбу, он сделал несколько торопливых глотков.

Линь Цинжань опустил глаза, пряча взгляд за густыми ресницами, но краем глаза продолжал следить за незванным гостем.

«Что он здесь делает?»

— Что, так интересно, почему я до сих пор здесь околачиваюсь? — раздался холодный голос Гу Вэньюя.

Вэньюй отлип от стены и медленно, с вальяжной грацией хищника подошёл к кушетке. Наклонившись, он бесцеремонно схватил Цинжаня за подбородок, заставляя смотреть на себя:

— А ты, я гляжу, быстро оклемался.

Цинжаню пришлось закинуть голову. Его красивые, лихорадочно блестящие глаза с вызовом уставились на мучителя.

— Не надо на меня так зыркать, — хмыкнул Гу Вэньюй, и в глубине его тёмных зрачков блеснула издевательская усмешка. — Я переступил через собственное отвращение и на руках притащил твою тушку в лазарет. Тебе бы в ноги мне поклониться за спасение, а?

<http://bllate.org/book/18342/1764187>